

УДК 332.142.2

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПЕРИФЕРИЙНЫХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ И КИТАЯ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ТРАНСГРАНИЧНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Песцов С.К., Волынчук А.Б.

*ФГБУН «Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока» ДВО РАН,
Владивосток, e-mail: skpfox@yandex.ru, i-abv@yandex.ru*

Исследование основано на предположении о том, что возможности и перспективы международной экономической интеграции приграничных территорий обуславливаются специфической конфигурацией проблем, определяющей развитие этих территорий. Заметные отличия от средних национальных показателей развития характерны для приграничной периферии как российского Дальнего Востока, так и северо-восточных провинций Китая. Диспропорции этих территорий, выявленные в ходе исследования, проявляются во всех основных сферах общественных отношений (демография, экономика, управление, инфраструктура). Проблемы социально-экономического развития периферийных территорий отличаются друг от друга не только принадлежностью к той или иной сфере функционирования региона, но и степенью чувствительности/эластичности к изменениям интенсивности интеграционных процессов, направленных на конкретную периферию. Эти проблемы по отношению к процессам международной экономической интеграции могут иметь как прямую, так и обратную эластичность. Несмотря на то что периферийные/приграничные территории России и Китая функционируют в различных природных, экономических и политических условиях и имеют отличные друг от друга опыт и традиции хозяйственного освоения, структуру проблем развития тем не менее отличают общие контуры и схожие механизмы влияния на процессы региональной экономической интеграции.

Ключевые слова: Дальний Восток России, северо-восточные провинции Китая, периферийная территория, приграничная территория, трансграничные процессы, международная экономическая интеграция, проблемы социально-экономического развития, диспропорции регионального развития

PROBLEMS OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE PERIPHERAL TERRITORIES OF RUSSIA AND CHINA: OPPORTUNITIES AND LIMITATIONS OF CROSS-BORDER INTEGRATION

Pestsov S.K., Volynchuk A.B.

*Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East» FEB RAS,
Vladivostok, e-mail: skpfox@yandex.ru, i-abv@yandex.ru*

The study is based on the assumption that the possibilities and prospects for international economic integration of border areas are determined by the specific configuration of problems that determine the development of these territories. Noticeable differences from average national development indicators are characteristic of the border periphery of both the Russian Far East and the north-eastern provinces of China. The disparities of these territories, identified during the study, are manifested in all the main spheres of social relations (demography, economics, management, infrastructure). The problems of socio-economic development of peripheral territories differ from each other not only by belonging to a particular sphere of the region's functioning, but also by the degree of sensitivity / elasticity to changes in the intensity of integration processes aimed at a specific periphery. These problems in relation to the processes of international economic integration can have both direct and reverse elasticity. Despite the fact that the peripheral / border territories of Russia and China function in different natural, economic and political conditions and have different experience and traditions of economic development, the structure of development problems, nevertheless, is distinguished by common contours and similar mechanisms of influence on the processes regional economic integration.

Keywords: Russian Far East, north-eastern provinces of China, peripheral territory, border area, cross-border processes, international economic integration, problems of socio-economic development, disproportions in regional development

Периферийные регионы традиционно рассматриваются как обладающие недостатками в связи с плохой доступностью к большим рынкам и низкой плотностью населения, которые ограничивают развитие хозяйственных процессов. Региональные власти на этих территориях сталкиваются с трудностями при обеспечении адекватных социальных услуг вследствие низкой деловой активности и ограниченности доходов. Пограничные зоны, в свою очередь, часто

определяются как «периферии периферий» из-за их удаленности от экономико-культурных центров, ограниченности рабочих мест и проблемных траекторий развития [1]. Вместе с тем особенности их месторасположения создают и уникальные возможности для развития. Концептуализация такого рода возможностей, которые могут быть использованы для развития приграничных периферийных территорий, нашла свое отражение в модели О. Мартинеса, классифи-

цирующей приграничные районы в соответствии с уровнем интеграции [2]:

– «отчужденные пограничные районы», создаваемые границей, не допускающей каких-либо трансграничных взаимодействий;

– «сосуществующие пограничные районы» создает граница с имеющими место конфликтами, которые, однако, являются управляемыми;

– «взаимозависимые пограничные районы» представляют собой территории сопредельных государств, между которыми складываются устойчивые отношения;

– «интегрированные пограничные районы» возникают, когда граница фактически ликвидирована, что подразумевает свободное перемещение товаров и труда.

В Азии приграничные территории формируют весьма своеобразный ландшафт с точки зрения подходов к управлению и развитию. Несмотря на то что некоторые из таких территорий все еще несут груз колониального наследия, недавней закрытости и политических «стрессов», многие из них начинают использовать и получать выгоду благодаря новой приграничной политической экономии. Среди прототипов приграничных регионов, существующих в Азии, выделяются [3]:

– реактивированные экономические зоны с вновь открытыми границами (включая зоны между Китаем и Вьетнамом, а также между материковым Китаем и Тайванем, пережившие период политической напряженности);

– реинтегрированные, но «разделенные» приграничные города (например, Гонконг и Макао, которые возвращены Китаю, но пока сохраняются в качестве специально управляемых приграничных городов КНР);

– проницаемые приграничные районы (включая территории на тайско-бирманской и китайско-бирманской границах, доступные для частых неформальных миграций);

– «неясные» приграничные районы (например, приграничный район Китая и Северной Кореи: хотя эта граница воспринимается как строго охраняемая и непроходимая, здесь наблюдается пересекающая ее хозяйственная активность).

Трансграничные макрорегионы могут формироваться государствами с довольно сильной и диверсифицированной экономикой, и хотя их правительства рассматривают международную среду как ресурс развития, довольно часто процесс интеграции стопорится или переходит в формат, противоречащий национальным интересам. В результате макрорегион в целом и приграничные территории присутствующих там государств остаются слаборазвитыми,

как это произошло в случае стран региона Японского моря. В рамках данной статьи предпринимается попытка установить типичные проблемы социально-экономического развития, которые характерны для российско-китайского приграничья и способны выступать сдерживающими факторами трансграничной интеграции.

Материалы и методы исследования

Обозначенная в статье цель может быть решена на основе комплексного междисциплинарного подхода, использующего теоретико-методологические инструменты различных дисциплин: науки о международных отношениях, экономики, социально-экономической географии. В данном случае используется комбинация возможностей экономико-географического подхода, который позволяет выделять ранжированные территориальные структуры, оценивать факторы, условия и тенденции их динамики, определяя движущие силы и условия экономической интеграции, с одной стороны, и пространственно-временного подхода, в соответствии с которым уровень экономического развития территории во многом определяется ее положением относительно точек роста, центров производства, науки, культуры и т.д.

Результаты исследования и их обсуждение

Возможности и перспективы трансграничной интеграции смежных периферийных территорий национальных государств во многом определяется представлениями о возможностях решения с ее помощью существующих социальных и хозяйственно-экономических проблем. Как преувеличение, так и недооценка этих возможностей одинаково отрицательно влияют на перспективы приграничного сотрудничества и трансграничной интеграции. Сопоставление проблем социально-экономического развития приграничной периферии России и Китая и последующий анализ их связи с трансграничным сотрудничеством позволяет более адекватно оценить эти перспективы в российско-китайских взаимоотношениях.

Проблемы социально-экономического развития приграничной периферии России и Китая

Российский Дальний Восток (РДВ)

Дальний Восток Российской Федерации образуют одиннадцать административно-территориальных образований, которые структурно входят в Дальневосточный

федеральный округ (ДФО). Региональная специфика процессов хозяйственного освоения субъектов ДВФО формирует схожие условия для типизации проблем социально-экономического развития субъектов округа. В их числе можно выделить следующие.

Малая численность населения. Занимая более 40,6% территории Российской Федерации, в Дальневосточном федеральном округе проживает всего лишь 8,18 млн человек, что составляет около 5,5% населения страны, что, несомненно, негативно сказывается на темпах развития региона. Слабая заселенность Дальнего Востока сохраняется на протяжении всей истории его российского освоения. Во многом этому есть объяснения, в основе которых лежат объективные причины: исторически короткий срок хозяйственного развития – интенсивное хозяйственное освоение региона началось только в середине XIX века, а характер промышленного оно приобрело только в середине XX века; Дальний Восток значительно удален от экономически развитых и густонаселенных территорий России; природно-климатические, орографические условия большей части региона по своему качеству близки к экстремальным. В результате средняя плотность населения региона составляет всего лишь 1 человек на кв. км. Однако по отдельным территориям наблюдаются значительные внутрирегиональные диспропорции размещения населения: наиболее высокая плотность – 11,8 человек на кв. км – наблюдается в Приморском крае, наиболее низкая – 0,1 человека – в Чукотском автономном округе.

Отрицательное миграционное saldo при относительно высокой смертности и низкой рождаемости населения. Проблема малой численности населения усугубляется отрицательной динамикой естественного и механического движения населения. Негативные тенденции, которые возникли несколько лет назад, сохраняют свою актуальность и в настоящее время. И если в предыдущие годы естественная убыль населения покрывалась положительным салдо миграционного движения, в настоящее время естественные потери населения не компенсируются механическим приростом [4]. Усилия правительства по стабилизации демографической ситуации на Дальнем Востоке пока не приводят к положительным результатам.

Очаговая система расселения населения. Значительная территория и малочисленное население РДВ определяли различные версии очагового типа расселения населения, которые складываются в условиях значительной удаленности соседних

поселений и слабого развития функциональных и транспортных связей между ними. На начальном этапе освоения новых территорий – это довольно эффективный тип расселения, который позволяет существенно снижать экономические издержки процесса хозяйственного освоения. Однако с развитием хозяйственных отношений очаговый тип расселения перестает стимулировать усиление связанности элементов территориальной структуры региона, становится препятствием для формирования в его пределах единого экономического пространства, консервирует и даже усиливает дифференциацию и неравномерность социального и экономического развития внутри региональных территорий.

Слабая инфраструктура транспорта, энергетики и связи. В настоящее время проблема инфраструктурной обеспеченности территории Дальнего Востока стоит на втором месте после демографической. Дальний Восток составляет более 40% всей территории России. Однако транспортная освоенность региона незначительна даже по сравнению с уровнем социально-экономического развития дальневосточных территорий. Ощущается острая нехватка внутрирегиональных транспортных коммуникаций, что в свою очередь увеличивает транспортные издержки региональных производителей, делая их продукцию неконкурентной, а также препятствует развитию региональных форм экономической кооперации. Освоение внутренних территорий РДВ требует восстановления старых и строительства новых сравнительно дешевых транспортных коммуникаций. В то же время существующая на сегодня схема коммуникаций не соответствует требованиям долгосрочного развития региона.

Отраслевая диспропорция экономики. Отраслевая диспропорция экономики региона в пользу сырьевого сектора. Особенностью отраслевой структуры хозяйства является доминирование в экономике сырьевых отраслей. В условиях рыночных отношений диспропорции отраслевой структуры только усиливаются. Если в 2005 г. на долю добывающих производств приходилось 14,9%, то в 2010 г. она достигла уже 24,3%, а в 2018 г. – 28,2% [5].

Недостаток инвестиций в несырьевые сектора экономики. Согласно данным Росстата, более 34% валовых инвестиций ориентированы на предпринятия сырьевого комплекса. И лишь 7,4% направляется в обрабатывающий сектор. Это ставит экономику региона в зависимость от мировой конъюнктуры цен на сырье, но, несмотря на это, добывающая промышленность остаётся са-

мым высокодоходным сегментом дальневосточной экономики [6].

Нестабильность финансового обеспечения региональной политики. Вследствие излишне жесткой монетарной политики Центробанка РФ и неблагоприятного международного окружения (западные санкции) финансовое обеспечение региональной политики не отличается стабильностью и устойчивостью. Резкое падение ВВП России на 3,7% в 2015 г. и медленный переход к положительной динамике в 2016–2018 гг. (–0,2% и 1,3% соответственно) привели к сокращению возможностей госбюджета инвестировать в развитие РДВ [6]. Кроме того, международные санкции ограничили доступ банков и предприятий к зарубежным кредитам, актуальным технологиям и промышленному оборудованию, снизили объем иностранных инвестиций.

Сверхцентрализация региональной политики. Сверхцентрализация региональной политики и разрастание «бюрократии развития» вместо делегирования полномочий местным органам власти и ослабления госрегулирования представляет собой еще одну серьезную проблему. Доминирование в дальневосточной региональной политике бюрократического регулирования привело к возникновению многочисленных управленческих институтов, которые зачастую дублируют друг друга. Как правило, это федеральные структуры, требующие значительного финансирования. В регионе действуют Министерство по развитию Дальнего Востока, Фонд развития Дальнего Востока, Корпорация развития Дальнего Востока, Агентство по развитию человеческого капитала, администрации специальных экономических зон – «территорий опережающего социально-экономического развития» (ТОРы) и т.п. В регионе в среде экспертов и специалистов всю эту совокупность стали неформально называть «система Минвостока».

Коррупция. Высокий уровень коррупции при исполнении региональной политики во многом провоцируется концентрацией ресурсов на строительстве важнейших инфраструктурных объектов. За 2017 год на Дальнем Востоке было зарегистрировано более 4 тысяч экономических преступлений. По уровню коррупции лидируют приграничные регионы Приморский и Хабаровский края, а также Сахалинская область.

Северо-Восток Китая (СВК)

Северо-восточную периферию Китая – Дунбэй, или «ржавый пояс» – составляют три провинции: Хэйлунцзян, Цзилинь и Ля-

онин, а также часть Внутренней Монголии. Если в 1950-х гг. Маньчжурия выступала основным драйвером индустриализации Китая, то сегодня доля трех провинций в совокупном ВВП КНР составляет всего лишь 6,3% [7].

Попытки возрождения Северо-Восточного Китая начали предприниматься еще в 1990-х гг., с реформирования обремененных долгами госпредприятий. Усилия активизировались в 2008 г., сопровождаясь инвестициями в размере 4 трлн юаней с целью предотвращения экономического спада, вызванного глобальным финансовым кризисом. Однако это не привело к желаемому оживлению региона. Экономика СВК не претерпела радикальных изменений, а с 2014 г. темпы ее роста еще более снизились. К числу основных проблем развития северо-восточной периферии Китая могут быть отнесены следующие.

Снижение демографического потенциала. Стагнация в экономике привела к утрате не только промышленного, но и человеческого ресурса. Более половины из 85 городов региона сталкиваются с убылью населения, что усугубляется низким уровнем рождаемости и старением населения. По оценкам, за последнее десятилетие Северо-Восток покинуло около 1,8 млн человек [7].

Неэффективная/устаревшая отраслевая структура региональной экономики. Большая часть экономики находится в государственной собственности. Эта проблема имеет два аспекта. Первый связан с растущим анахронизмом индустриальной структуры, преобладанием устаревших технологий и отраслей. Второй – с доминированием крупных и не эффективных госпредприятий (SOE), которое остается тяжелым наследием СВК. Госсектор вызывает обеспокоенность в силу его низкой адаптационной способности к рыночным условиям, а его реструктуризация предполагает значительные издержки. Неэффективность госпредприятий также связана с сохранением в экономике элементов государственного планирования. По мнению как китайских, так и зарубежных специалистов, это препятствует переменам на северо-востоке и создает здесь неблагоприятный климат для бизнеса.

Перегруженность предприятий социальным бременем. Текущие активы большинства госпредприятий связаны с огромными непродуктивными расходами из-за значительных социальных обязательств. Это ограничивает их хозяйственную эффективность и возможность адаптации к требованиям рынка.

Ресурсная истощенность. Еще одну острую проблему создает экономический

спад, вызванный истощением старой ресурсной базы. В городах, специализирующихся на освоении природных ресурсов, резко снижаются объемы промышленного производства. Вследствие чего наблюдается устойчивый отток жителей в более развитые регионы страны в поисках работы и лучших условий жизни.

Однако китайский Северо-Восток сохраняет ряд потенциальных преимуществ. Во-первых, это транспортная инфраструктура, созданная на различных этапах развития региона. Ее совершенствование одновременно с укреплением международных трансграничных связей способно улучшить перспективы региона. Во-вторых, уровень урбанизации в Северо-Восточном Китае, составляет более 50%, что по китайским меркам является высоким показателем [8]. В-третьих, интенсивное развитие в прошлом привело к концентрации в регионе квалифицированной рабочей силы. В-четвертых, несмотря на проблемы истощения ресурсов, регион обладает значительными запасами разнообразных полезных ископаемых. В отличие от других частей страны, здесь нет недостатка в воде, и существуют районы с неосвоенной землей, даже с сельскохозяйственными угодьями высшего качества. В-пятых, приграничность географического положения провинций СВК повышает уровень их экономического потенциала. Хотя границы открыты лишь частично, объем торговли и трансграничных взаимодействий увеличивается.

Систематизация типичных проблем социально-экономического развития российско-китайского приграничья

Всю совокупность проблем, определяющих характер социально-экономического развития российско-китайского приграничья, условно можно разделить на четыре основные сферы: демография, экономика, управление и инфраструктура [9]. Процессы, явления или проблемы, определяющие содержание каждой из этих сфер, по-разному реагируют на воздействия, которые возникают внутри системы или же имеют экзогенное происхождение. В фокусе нашего внимания находятся процессы, детерминированные международной интеграцией. В этой связи перед нами стояла задача определить, проблемы каких сфер наиболее эластичны к изменению интенсивности международных интеграционных процессов? Существует ли обратная/реверсная зависимость снижения остроты проблемы и интенсивности интеграции?

Демографическая проблема является общей практически для периферийных тер-

риторий. Застой в экономике, депрессивное состояние социальной жизни, традиционно присущие периферии, определяют негативные демографические тренды. К основным из них относятся низкий уровень рождаемости, старение населения, отток населения в более развитые регионы страны. Интенсивность этих процессов отличается от страны к стране. Так, снижение общей численности населения для российского Дальнего Востока представляется более значимой проблемой, чем для Северо-Восточного Китая. В то же время для России проблема старения населения РДВ пока не стоит так остро, как для КНР. Однако в рамках национальных моделей развития каждая из них «работает» на увеличение разрыва между развитыми и периферийными регионами стран.

На первый взгляд, вся совокупность демографических проблем слабо связана с международной экономической интеграцией. Базовые показатели, такие как рождаемость, смертность, ожидаемая продолжительность жизни и другие, не демонстрируют прямой зависимости от интенсивности интеграционных процессов. По большей части факторы, которые их детерминируют, находятся вне системы международных экономических отношений. И даже при значительном усилении интенсивности интеграционных процессов показатели рождаемости или смертности окажутся неэластичными, то есть если и изменятся, то незначительно. Иначе, на наш взгляд, обстоит дело с другим демографическим показателем, который отражает негативную динамику количественного и качественного состава населения периферии. Речь идет об эмиграции – оттоке населения в более развитые районы страны. В случае усиления экономической интеграции на периферийных территориях будут формироваться дополнительные предпосылки не только для закрепления местного населения, но и привлечения иммигрантов в регион. Изменения в интеграционных процессах в ту или другую сторону трансформируют состав, качество и структуру локального рынка труда, напрямую воздействуют на размер заработной платы и доходы населения, влияют на эмоциональный настрой населения (наличие или отсутствие перспектив профессионального и личностного роста). В этой связи о проблеме периферии, связанной с оттоком населения, можно говорить как о проблеме эластичной, которая отзывчива на изменение интенсивности экономической интеграции.

Неравномерность хозяйственного освоения периферийных территорий прояв-

ляется в формировании в экономической системе региона трудно устранимых диспропорций. Именно с ними связано большинство проблем развития. Экономические модели России и Китая сильно отличаются друг от друга. Каждая из них имеет различные стартовые позиции и свою траекторию развития. Однако можно выделить две проблемы, которые характерны для обеих стран и являются эластичными по отношению к трансграничным интеграционным процессам. Это, во-первых, проблема, связанная с существующим состоянием территориально-отраслевой структуры региональных экономик. Второй является низкая инвестиционная привлекательность или всех отраслей, или отдельных отраслей региональной экономики (как, например, несырьевой сектор РДВ).

В первом случае существующие отраслевые диспропорции негативно влияют на конкурентоспособность всего региона и его отдельных хозяйствующих субъектов как на национальных, так и глобальном рынках. В то же время отраслевое «разнообразие» локальных экономик в рамках одного трансграничного региона формирует объективные предпосылки для различных форм международной интеграции. Локальные экономические системы, используя свойство комплементарности своих отдельных отраслей, при благоприятных условиях способны сформировать единый трансграничный хозяйственный/экономический комплекс. Чем успешнее и интенсивнее будут развиваться интеграционные процессы в нем, тем выше будет устойчивость и конкурентоспособность всех входящих в него экономических систем периферийных территорий. Следует отметить, что речь идет не о выравнивании или «стирании» диспропорций между «центром» и «периферией» в рамках национальной экономики, не о борьбе с ними, что требует определенного экономического ресурса и значительного времени. Речь идет об использовании существующих, сложившихся факторов производства в пределах национальных периферий трансграничного региона. В качестве варианта может выступать комбинация тяжелой промышленности северо-восточного Китая, природно-ресурсной базы российского Дальнего Востока, сельскохозяйственного производства и технологий Японии.

Во втором случае проблема низкой инвестиционной привлекательности периферии связана не только с уровнем социально-экономического развития территории, с накопленным экономическим потенциалом территории. Во многом инвестиционный

климат определяется моделью управления развитием региона. Тем не менее мы ее рассматриваем в разрезе экономического блока, который обеспечивает основные/базовые характеристики инвестиционной привлекательности. В любом случае можно с уверенностью утверждать, что интенсивность международной экономической интеграции напрямую зависит от уровня инвестиционной привлекательности периферийного региона (или отдельных его отраслей) и наоборот – чем успешнее процесс интеграции трансграничного региона, тем лучше инвестиционный климат в отдельных сегментах национальных периферий. Иначе говоря, эта проблема весьма эластична.

При анализе проблем, которые относятся к сфере управления, необходимо исходить из того, что в РФ и КНР реализуются различные политико-экономические модели государственного управления – плановая/директивная (Китай, Северная Корея) и переходная (Россия). В рамках каждой модели возникают специфические проблемы, присущие только конкретной стране и ее управленческой традиции. Так, если для России главной проблемой управления является сверхцентрализация региональной политики, то для Китая – сохранение «негибких» инструментов плановой экономики в управлении региональным развитием. Тем не менее вне зависимости от того, в какой политико-экономической модели были рождены проблемы, степень их влияния на характер и интенсивность интеграционных процессов высока. Именно в сфере управления определяются принципы, правила и перспективы интеграции. Здесь можно говорить об обратной эластичности, то есть интенсивность проявления проблем, связанных с управлением развития территории, напрямую определяет прогресс экономической интеграции. В то же время сами интеграционные процессы практически не влияют на решение/преодоление проблем управления.

Наконец, нельзя не признать, что успех большинства мероприятий, связанных с международной экономической интеграцией в пределах трансграничного региона, напрямую зависит от наличия как естественных, так и созданных человеком коридоров проникновения, которые определяют проницаемость осваиваемого пространства. Интенсивность и устойчивость трансграничных процессов, в том числе и интеграционных, определяется целым комплексом природных условий и естественных характеристик территории и реализуется созданием единой транспортной системы, функционирующей в границах

региона. Интеграция реализуется лучше в том пространственном направлении, где перемещение грузов, энергии, людей, капиталов, информации происходит с наименьшими препятствиями, т.е. имеется больше коммуникационных возможностей. Территории, обладающие развитой и эффективно работающей транспортной инфраструктурой, имеют и больший потенциал для международной экономической интеграции. И наоборот, территории, имеющие низкий уровень инфраструктурной обеспеченности, испытывают значительные сложности в подключении к региональным интеграционным процессам.

Заключение

Проблемы социально-экономического развития периферийных территорий отличаются друг от друга не только принадлежностью к той или иной сфере функционирования региона, но и степенью чувствительности/эластичности к изменениям интенсивности интеграционных процессов, направленных на конкретную периферию. Эти проблемы по отношению к процессам международной экономической интеграции могут иметь как прямую, так и обратную эластичность. Прямая – определяется зависимостью остроты проблемы от интенсивности интеграционных процессов. Обратная эластичность характеризует обусловленность трансграничной интеграции наличием проблем регионального развития. Примером прямой эластичности выступают проблема оттока населения (демографическая сфера) и низкий уровень инвестиционной привлекательности (экономическая сфера). С ростом интенсивности международных контактов происходит качественное изменение проблемного поля – стабилизируются миграционные процессы в регионе, улучшается инвестиционный климат.

С другой стороны, проблемы развития, связанные с региональным управлением и качеством транспортной и иной инфраструктуры, имеют высокую степень обратной эластичности по отношению к процессам международной экономической интеграции. Любое, даже незначительное снижение барьерной функции проблемы (либерализация законодательства, стро-

ительство трансграничных инфраструктурных объектов и т.п.), способно заметно повысить интеграционную активность в регионе.

Совокупность проблем, связанных с несовершенством отраслевой структуры периферий стран СВА, сформировала хозяйственное «разнообразие» локальных экономик в рамках трансграничного региона. Это, в свою очередь, формирует объективные предпосылки для развития различных форм трансграничной интеграции. Локальные экономические системы, используя свойство комплементарности отдельных отраслей, при благоприятных условиях способны сформировать единый трансграничный хозяйственный комплекс.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-514-93004.

Список литературы

1. Beáta Fehérvölgyi, Beáta Fehérvölgyi. Success Factors in the Cross-Border Region – Regional Project Again Brain Drain. Human Capital without Borders: Knowledge and Learning for Quality of Life. Management, Knowledge and Learning. International Conference. 25–27 June 2014. Portoroz, Slovenia. P. 861–870.
2. Martinez, Oscar J. The Dynamics of Border Interaction: New Approaches to Border Analysis. In: Global Boundaries: World Boundaries Series 1. Ed. by Clive H. Schofield. London: Routledge, 1994. P. 1–15.
3. Yuk Wah Chan, Brantly Womack. Not Merely a Border: Borderland Governance, Development and Transborder Relations in Asia. Asian Anthropology. 2016. Vol. 15. Issue 2. P. 95–103.
4. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gks.ru/folder/12781> (дата обращения: 14.09.2020).
5. Федеральная служба государственной статистики, 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/reg-pok%2018.pdf> (дата обращения: 14.09.2020).
6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. М., 2019. 1164 с.
7. Elaine Chan. China's Northeastern Rust Belt Was Once «Eldest Son», Now Struggling as Runt of the Litter. [Electronic resource]. URL: <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3008778/chinas-northeastern-rust-belt-was-once-eldest-son-now> (date of access: 14.09.2020).
8. Zhang Pingyu. Revitalizing Old Industrial Base of Northeast China: Process, Policy and Challenge. Chinese Geographical Science. 2008. No 18(2). P. 109–118.
9. Волинчук А.Б., Волинчук Я.А. Региональная политика и международная интеграция периферийных территорий // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. Т. 8. № 4 (27). С. 118–122.